

УДК 94(47+57)«1945/1958»

А. Б. Коновалов

**ВЛИЯНИЕ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА СИБИРИ
НА РАЗВИТИЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х – 1950-е ГОДЫ**

В статье определяются механизмы влияния первых секретарей краевых (областных) комитетов ВКП(б) – КПСС на процесс формирования и развития системы высшей школы Сибири. Показаны пути лоббирования региональных интересов, обозначены проблемы и противоречия в интеллектуальном и индустриальном развитии регионов в послевоенное время.

Ключевые слова: партийная номенклатура, высшая школа Сибири, региональный лоббизм, социальная политика.

A. B. Konovalov

INFLUENCE OF THE PARTY MANAGEMENT OF SIBERIA ON DEVELOPMENT OF THE HIGHER SCHOOL IN THE SECOND HALF 1940th – 1950th YEARS

In article mechanisms of influence of first secretaries of the regional committees CPSU be defined on process of formation and development of system of the higher school of Siberia. Ways of lobbying of regional interests are shown, problems and contradictions in intellectual and industrial development of regions during post-war time are designated.

Keywords: party nomenclature, the higher school of Siberia, regional lobbyism, social policy.

В условиях послевоенного времени высшее партийно-государственное руководство скептически оценивало необходимость развития научно-образовательного комплекса регионов Сибири. Индустриальное освоение регионов, формирование территориально-производственных комплексов в конце 1940-х – начале 1950-х годов связывалось с обеспечением кадрами, подготовленными в вузах с богатыми академическими традициями. Система распределения молодых специалистов из столичных вузов, а также Омска, Новосибирска и Томска не закрывала потребностей в инженерно-технических работниках, а особенно в специалистах социальной сферы. Поэтому партийные руководители территорий регулярно обращались с предложениями создать академические учреждения и высшие учебные заведения. Сибирские регионы имели весьма низкие показатели обеспеченности учительскими и врачебными кадрами. Перед ЦК партии и правительством ставились вопросы по открытию педагогических и медицинских институтов, а также расширению студенческого контингента в действовавших вузах.

Такие просьбы можно обнаружить уже в первые дни после окончания войны. Тюменский лидер Ф. М. Чубаров 25 мая 1945 года подписал докладную записку для Отдела школ ЦК ВКП(б), в которой предлагал с сентября текущего года открыть два новых факультета в местном педагогическом институте – исторический и географиче-

ский [1]. Мотив просьбы был связан с резким дефицитом учительских кадров по этим специальностям. Просьбу Тюменского обкома удовлетворили, хотя открытие исторического факультета в пединституте проблему дефицита кадров не сняло. В июле 1947 года Чубаров писал секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову, что в течение ряда лет перед Министерством просвещения ставился вопрос о направлении в область преподавателей истории с высшим образованием, тем не менее с момента организации области заявка ни разу не удовлетворялась [2]. Вопрос об организации новых вузов оперативно решался при наличии кадров высшей квалификации, которые могли быть сконцентрированы в научно-исследовательских учреждениях. Развитие академической науки представлялось не менее важным направлением региональной политики.

На протяжении всего периода «послевоенного сталинизма» регулярно направлялись в ЦК ВКП(б) и союзное правительство просьбы первых секретарей об открытии академических и научно-исследовательских учреждений. Каждый региональный лидер стремился заручиться поддержкой отраслевых министров и секретарей ЦК партии в решении подобных вопросов. При этом под выдвигаемые проекты подводятся рациональные аргументы: необходимость тех или иных академических, образовательных учреждений связывалась с территориальной экономической специализацией.

Первый секретарь Иркутского обкома ВКП(б) А. В. Ефимов и председатель облисполкома В. А. Иванов 17 июня 1946 года информировали секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова и заместителя председателя Совета Министров СССР Н. А. Вознесенского о необходимости открытия филиала Академии наук СССР в Восточной Сибири. Составители докладной записки полагали, что «для успешной и наиболее плодотворной научно-исследовательской работы по изучению природных богатств в Восточной Сибири и использованию их в народном хозяйстве Союза ССР необходимо высокоавторитетное научное руководство. Такое руководство может быть осуществлено только при организации филиала Академии наук в Восточной Сибири» [3]. Его размещение предполагалось осуществить в Иркутске, имевшем выгодное географическое положение и значительное количество научных работников. Идею иркутских руководителей поддержали в 1949 году [4]. Оценивая значение подобных решений, стоит указать на учет объективной необходимости развития академической науки в Сибири. Омский историк С. Г. Сизов полагает, что «после войны со всей очевидностью стало заметно противоречие, которое существовало между огромными запасами полезных ископаемых Сибири и слабой насыщенностью научными учреждениями и специалистами этого региона» [5]. Вместе с тем нельзя утверждать, что союзные органы власти сделали все необходимое для наращивания интеллектуального потенциала сибирской провинции. В послевоенное время имелось немало важных проектов развития науки, инициированных региональным руководством и отклоненных в центральных властных учреждениях.

Реализацию предложения по организации филиала А. В. Ефимов постарался начать сразу после завершения Конференции по изучению производительных сил Иркутской области в августе 1947 года. В доклад-

ной записке на имя заместителя Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотова от 19 ноября 1947 года первый секретарь обкома отмечал, что все участники конференции «единодушно высказались за своевременность и необходимость организации в Иркутске филиала Академии наук СССР, что зафиксировано в резолюциях всех 6 секций и пленума конференции. Официальные делегации Бурят-Монгольской АССР и Читинской области, участвовавшие в работе конференции, также поддержали упомянутые решения» [6]. А. В. Ефимов не зря упомянул о поддержке этого предложения представителями двух соседних регионов: по мнению регионального руководителя, сфера деятельности будущего филиала должна охватывать как территорию Иркутской области, так и территории Бурят-Монгольской АССР и Читинской области.

Стремление к организации учреждений академической науки проявляли и руководители регионов Западной Сибири. Кемеровский лидер Е. Ф. Колышев в 1946–1951 годах предпринял немало усилий по организации комплексного научно-исследовательского института Академии наук СССР. Он заручился поддержкой академического сообщества во главе с президентом Академии наук СССР С. И. Вавиловым, неоднократно ставил вопрос в ЦК ВКП(б) и Совете Министров СССР, однако создания института так и не сумел добиться [7].

В июле 1949 года первый секретарь Тюменского обкома ВКП(б) Ф. М. Чубаров и исполняющий обязанности председателя облисполкома Ф. П. Щуров обратились к И. В. Сталину с просьбой дать указание Академии наук СССР о создании ее постоянной базы на территории Тюменской области. Мотив просьбы состоял в необходимости полного и планомерного изучения производительных сил области, экономного расходования средств, отпускаемых правительством на исследовательские работы [8].

Путем долгих согласований решались и вопросы выделения средств на строительство зданий для Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. В этой проблеме сильнее всего чувствовались противоречия между интересами регионального партийного руководства и союзно-республиканскими министерствами и ведомствами. Все тот же И. Д. Яковлев в апреле 1952 года был вынужден информировать И. В. Сталина о серьезных трудностях в развитии ЗСФАН. По мнению первого секретаря обкома, «президиум Академии наук СССР не создал необходимых условий для дальнейшего роста и развития своего Западно-Сибирского филиала. Имеющиеся производственные помещения сильно перегружены, из-за отсутствия помещений задерживается организация новых лабораторий и плохо используется имеющееся ценное оборудование. Многие научные работники филиала не обеспечены жилой площадью» [9]. Учитывая, что президиум Академии наук не выражал заинтересованности в интенсивных работах по развитию филиала, И. Д. Яковлев просил Совет Министров СССР обязать Госплан СССР включить в пятилетний план строительство зданий горно-геологического и транспортно-энергетического институтов, жилого дома на 100 квартир, объектов Центрального сибирского ботанического сада.

В декабре 1952 года секретарю ЦК КПСС Г. М. Маленкову из Омского обкома партии направили письмо «Об организации в городе Омске Западно-Сибирского филиала Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина» [10]. Мотивом для принятия положительного решения являлось то, что Омск был крупным центром сельскохозяйственной науки. Здесь располагался зональный сибирский научно-исследовательский институт зернового хозяйства, сельскохозяйственный институт имени С. М. Кирова, Сибирский научно-исследовательский ветеринарный институт и целый ряд других научных подразделений. Перечисленные

учреждения работали разрозненно, в связи с чем открытие Западно-Сибирского филиала могло стать важным фактором интеграции аграрной науки. Однако это предложение поддержано не было.

В центральные органы активно направлялись просьбы о создании высших учебных заведений. Новосибирский руководитель М. В. Кулагин подготовил ряд обстоятельных записок о необходимости открытия Сибирской консерватории. Так, 14 июня 1945 года он обратился к В. М. Молотову с просьбой помочь в решении этого вопроса. Среди мотивов для принятия положительного решения были: острая потребность в кадрах высшей квалификации для театра оперы и балета, чрезвычайная отдаленность ближайших музыкальных вузов, находившихся в Свердловске и Москве. Первый секретарь Новосибирского обкома просил открыть консерваторию в Новосибирске с 1 октября 1945 года [11].

В свою очередь Молотов поручил рассмотрение этого вопроса Комитету по делам высшей школы при СНК СССР и Комитету по делам искусств. Руководители этих ведомств посчитали преждевременным создание Новосибирской консерватории и предложили открыть музыкальное училище [12]. Позиция ведомственных руководителей явилась сдерживающим фактором в развитии музыкального образования Сибири: среднее профессиональное учебное заведение начало функционировать в 1945 году, однако консерваторию в Новосибирске открыли только в 1956-м [13].

Алтайский лидер Н. И. Беляев просил в июне 1946 года министра высшего образования СССР С. В. Кафтанова открыть энергетический факультет при машиностроительном институте в Барнауле. Мотив просьбы связывался с предусмотренным строительством новых предприятий – теплоэлектроцентрали, завода искусственного волокна, трансформаторного и судостроительного заводов, хлопчатобумажной фабрики и цело-

го ряда машиностроительных заводов [14]. Это предложение также не поддержали ввиду проведения подготовки энергетиков в Томском политехническом институте.

Большинство сибирских регионов испытывали острую нехватку в квалифицированных специалистах социальной сферы. Так, например, для Алтайского края острой проблемой в этот период являлся дефицит врачебных кадров. При средней обеспеченности по СССР в 6,2 врача на 10000 населения в Алтайском крае показатели находились на уровне 2,9 врача на ту же численность. Как отмечал Н. И. Беляев в письме А. А. Кузнецову, «несмотря на ежегодное пополнение врачами, положение мало меняется. Значительная часть прибывающих в Алтайский край по путевкам Министерства здравоохранения молодых врачей, в большинстве из центральных, западных и южных областей Союза, считают свое пребывание в крае временным и пользуются всеми возможными причинами и средствами, чтобы возвратиться к своим родным и в более благоприятные климатические условия» [15]. Алтайский крайком партии просил секретаря ЦК поддержать ходатайство об открытии в Барнауле в 1947–1948 годах медицинского института.

Однако эту идею тогда не реализовали. Спустя 6 лет, в апреле 1952 года, Беляев уведомляет министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнова о крайне затруднительном положении Алтайского края с врачебными кадрами. Он просил о направлении на работу в Алтайский край в 1952 году не менее 400–500 врачей. В улучшении ситуации помогла тогдашний министр здравоохранения РСФСР М. Д. Ковригина. В письме Н. И. Беляеву она отмечала, что «Алтайский край является одним из двух краев Российской Федерации, не имеющих медицинского института, хотя по своей территории и перспективам развития он должен быть заинтересован в организации собственного центра медицинского образования и медицинской науки, каким

является мединститут» [16]. Министерство здравоохранения считало целесообразным перевести в Барнаул Молотовский (Пермский) стоматологический институт с преобразованием его в медицинский вуз. Такой вариант Н. И. Беляев полностью одобрил и поддержал. Принципиальное решение о создании Алтайского медицинского вуза было принято.

В Тюменской области ощущалась потребность в создании сельскохозяйственного института. С просьбой о его создании в феврале 1950 года к секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову обращался первый секретарь обкома И. И. Афонов [17]. Он напрямую связывал недостатки в руководстве сельским хозяйством с плохой обеспеченностью отрасли квалифицированными специалистами – агрономами, зоотехниками, ветеринарными врачами. Тюменский руководитель подчеркивал, что смежные регионы – Свердловская, Курганская, Омская области – имеют собственные сельхозинституты, однако их работа ограничивалась местными рамками. Афонов просил Маленкова дать указания Министерству высшего образования и Министерству сельского хозяйства СССР организовать в 1950 году в Тюмени сельскохозяйственный институт с агрономическим и зоотехническим факультетами. Однако ходатайство первого секретаря обкома поддержано не было.

Первые секретари крайкомов и обкомов активно ставили перед вышестоящим руководством вопросы развития имевшихся вузовских учреждений. Требовалось добиться выделений немалых капиталовложений на создание и развитие необходимой инфраструктуры, строительство учебных и лабораторных корпусов.

Особо остро проблема строительства вузовских зданий стояла в этот период в Томске. Первый секретарь Томского обкома ВКП(б) А. В. Семин 22 января 1950 года информировал секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленко-

ва: «...сильно отстает развитие лабораторий и учебно-производственных кабинетов. Их мощность и состояние оборудования ни в коей мере не соответствуют требованиям учебного процесса и научно-исследовательской работы. В Томске нет Дома ученых, студенческого клуба, профессорско-преподавательский состав не обеспечен квартирами» [18]. Семин полагал, что Маленков даст необходимые указания всем министерствам и ведомствам, способным осуществить задуманное строительство.

В процессе согласования региональных и ведомственных интересов нельзя не отметить, что руководители наркоматов и отраслевых комитетов зачастую игнорировали социальные проблемы провинции. Каждый из ведомственных руководителей союзного уровня был в курсе материальных, жилищных, продовольственных проблем работников предприятий и учреждений на местах. Один из каналов получения информации наркоматами о ситуации в провинции был связан с направлением работниками жалоб и предложений. Разбирая сигналы из регионов, народные комиссары просили первых секретарей улучшить сложившееся положение.

Так, например, в октябре 1945 года первому секретарю Новосибирского обкома М. В. Кулагину направили письмо за подписью наркома земледелия СССР А. А. Андреева. Он сообщал, что из Новосибирской области «поступают многочисленные жалобы от агрономов, ветеринарных врачей и других специалистов сельского хозяйства. Жалуются люди на то, что они не могут купить ни обуви, ни одежды, а также продовольственных товаров» [19]. Андреев не предлагал помощи Новосибирску, но требовал от обкома скорейшей ликвидации товарного кризиса: «Если обком ВКП(б) внимательно отнесется к нуждам этих людей, то, безусловно, можно изыскать возможности выделения промышленных и продовольственных то-

варов за счет отпускаемых области фондов и местных ресурсов». Эта позиция вполне четко характеризует представления ведомственного начальства: о социально-бытовых проблемах населения Сибири должны заботиться прежде всего региональные партийные руководители.

В «послесталинский» период первые секретари крайкомов и обкомов партии по-прежнему активно ходатайствуют перед ЦК КПСС об организации новых высших учебных заведений. Но в большинстве случаев иницилируемые «снизу» проекты в первоначальных редакциях центральными инстанциями не поддерживались. Ощущалась потребность в значительном количестве технических специалистов, подготовка которых требовала значительных затрат.

Первый секретарь Алтайского крайкома КПСС Н. И. Беляев в апреле 1955 года поставил вопрос о создании в Барнауле Алтайского государственного строительного института. Объективная потребность в квалифицированных кадрах инженеров подкреплялась согласием министра строительства предприятий металлургической и химической промышленности СССР Д. Я. Райзера помочь в создании учебно-лабораторной базы. Крайком КПСС в лице Беляева просил ЦК КПСС открыть институт с началом занятий 1 сентября 1955 года [20]. Впрочем, аргументация первого секретаря воспринята не была.

Каждый региональный лидер стремился действовать на опережение, добиться открытия вуза, не имевшего аналогов в соседних территориях. Первый секретарь Алтайского крайкома КПСС К. Г. Пысин в марте 1956 года обратился в ЦК КПСС с просьбой об организации и строительстве в городе Барнауле института текстильной и легкой промышленности. Просьба Пысина противоречила планам правительства – организацию вуза предполагалось начать в Новосибирске. Однако алтайский руководитель находит аргументы для пересмотра принятого решения:

«...руководствуясь решениями XX съезда КПСС о приближении вузов к производственной базе, целесообразно было бы строить институт текстильной и легкой промышленности не в г. Новосибирске, а в г. Барнауле. Это предложение поддерживают Министерства высшего образования СССР (т. Столетов) и текстильной промышленности СССР (т. Спорышев)» [21]. Но и в данном случае настойчивость Пысина не увенчалась успехом.

Такие письма, безусловно, влияли на появление разногласий в среде первых секретарей региональных парткомов. Попытки первых секретарей решить социальные проблемы территорий «за чужой счет» вызывало неприятие и даже протест у партийных руководителей соседних регионов.

Другая нарождавшаяся тенденция второй половины 1950-х годов состояла в том, что партийные руководители регионов с развитым научно-образовательным комплексом выражали несогласие по поводу открытия новых вузов в соседних краях и областях. В Сибири по этому поводу более всех протестовал первый секретарь Томского обкома КПСС В. А. Москвин. В записке Н. С. Хрущеву, датированной 28 сентября 1957 года, он писал: «Представляется весьма целесообразным прежде всего обеспечить нормальные условия работы при меньших общих капиталовложениях для старых вузов востока. За последние годы открыты медицинские институты в городах Кемерове и Барнауле, которые при остром недостатке научных кадров, при отсутствии клиник и лабораторий не в состоянии обеспечить необходимое качество подготовки врачей» [22]. Москвин выступал за увеличение финансирования Томского медицинского института, который можно было расширить «до размеров Кемеровского и Барнаульского институтов вместе взятых». Региональный лидер выражал недоумение по поводу проектов решений об открытии политехнического института в Барнауле и госу-

дарственного университета в Новосибирске, поскольку это неизбежно сказывалось на сокращении финансирования соответствующих вузов Томска. Москвин пытался убедить Хрущева в необходимости усиления внимания к уже сложившимся центрам науки.

Записка Москвина дает хорошее представление о стиле и мотивах поведения региональных лидеров хрущевской «оттепели». Кадровая ротация первых секретарей по методу географических перебросок давала возможность высшему руководству страны не беспокоиться об угрозе регионального обособления и формирования политики местничества. Отработанный механизм перебросок позволял региональным руководителям выражать провинциальные интересы до тех пор, пока они находились у власти на вверенной территории. В этом отношении биография первого секретаря Томского обкома партии показательна. В обращении к Хрущеву в 1957 году Москвин критикует создание Кемеровского мединститута, в то время как в 1947–1950 годах он сам возглавлял Кемеровский облисполком и состоял членом бюро обкома ВКП(б). В то время глава исполкома горячо поддерживал решения конференции 1948 года по изучению производительных сил Кузбасса, где встал вопрос и о создании медицинского института в Кемерове.

Крайне неохотно в центральных органах решались вопросы по открытию учебных заведений социального профиля. Для восточносибирских областей крайне необходимым представлялось увеличение количества врачебных кадров. Их острый недостаток испытывала Бурят-Монгольская АССР. Поэтому не случайно обращение первого секретаря Бурят-Монгольского обкома КПСС А. У. Халалова в ЦК КПСС с просьбой рассмотреть вопрос об открытии в 1958 году в г. Улан-Удэ медицинского института приемом на I курс 200 человек [23]. Однако ходатайство Халалова в Москве отклонили.

Аналогичная ситуация продолжала иметь место в Тюменской области. Несмотря на старания многих первых секретарей, решение вопроса не двигалось с мертвой точки. В декабре 1962 года партийный и советский руководители области Б. Е. Щербина и А. К. Протозанов вновь проинформировали центральные органы об этой проблеме. Они отмечали, что «обком КПСС и облисполком в течение пяти лет неоднократно обращались в Министерство здравоохранения РСФСР с предложением об открытии в городе Тюмени медицинского института для подготовки врачей, в том числе из контингентов коренных национальностей Севера» [24]. Авторы записки просили Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров РСФСР решить положительно вопрос об открытии в 1963 году в г. Тюмени медицинского института.

В вопросах организации высших учебных заведений немалую роль играли академические учреждения. Создание научно-исследовательских институтов являлось серьезным мотивом для принятия решений об открытии университетов и институтов. Так, например, было с открытием Новосибирского государственного университета. Первый секретарь Новосибирского обкома КПСС Б. Н. Кобелев в июле 1957 года обратился к министру высшего образования СССР В. П. Елютину с просьбой об открытии университета. Поскольку решение о создании Сибирского отделения Академии наук СССР было принято 18 мая 1957 года, организация университета представлялась региональному

лидеру делом решенным. Учитывая основные научные направления организуемых институтов Сибирского отделения, Кобелев полагал открыть в университете механико-математический, физико-технический и биологический факультеты [25]. Постановлением Совета Министров СССР от 9 января 1958 года Новосибирский университет был создан [26].

Исследуемый период второй половины 1940-х – конца 1950-х годов, несмотря на выделяемые в историографии принципиально различные этапы внутривосточного развития («поздний сталинизм» и «хрущевская оттепель»), представляется целостным в отношении развития высшей школы. Общей тенденцией для регионов Сибири видится нарастание противоречий между интеллектуальным и индустриальным потенциалом, дисбаланс в обеспеченности кадрами для промышленности и сельского хозяйства, с одной стороны, и социальной сферы – с другой. Лоббирование региональными партийными лидерами инициатив по организации вузовских и академических учреждений на местах поддерживалось в исключительных случаях, когда обострение кадрового дефицита вынуждало ЦК партии и правительство разрешить создание новых учебных заведений. Игнорирование Центром перспективных инициатив по развитию высшей школы обостряло социальные противоречия в сибирских регионах, что в конечном итоге привело к системному кризису середины 1980-х годов.

Литература

1. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 124. Оп. 4. Д. 81. Л. 29–30.
2. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 15. Д. 52. Л. 41–42.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 127. Оп. 14. Д. 276. Л. 14–15.
4. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 272. Л. 198; История Сибири. Т. 5. – Л., 1969. – С. 281–282.

5. Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Ч. I. – Омск, 2001. – С. 144.
6. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 427. Л. 122–124.
7. См.: Коновалов А. Б. Из истории академической науки в Кузбассе: неосуществленные проекты второй половины 40-х – начала 50-х годов // Интеллектуальный и индустриальный потенциал регионов России: материалы Всерос. науч. чтений. – Кемерово, 1999. – С. 121–124; Он же. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1943–1991). – Кемерово, 2004. – С. 87–89.
8. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 40. Д. 115. Л. 195.
9. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 400. Л. 127.
10. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 1. Д. 6469. Л. 31а.
11. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 12. Л. 219–220.
12. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 7. Л. 116–117.
13. Новосибирск. Энциклопедия. – Новосибирск: Кн. изд-во, 2003. – С. 548, 595–596.
14. Государственный архив Алтайского края (ГAAK). Ф. П-1. Оп. 30. д. 57. Л. 66.
15. ГAAK. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 32. Л. 23.
16. ГAAK. Ф. П-1. Оп. 90. Д. 103. Л. 82–83.
17. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 129. Л. 6–9.
18. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1151. Л. 3.
19. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 9. Д. 7. Л. 175.
20. ГAAK. Ф. П-1. Оп. 98. Д. 30. Л. 77.
21. ГAAK. Ф. П-1. Оп. 99. Д. 21. Л. 104–106.
22. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2528. Л. 251.
23. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 6667. Л. 109–110.
24. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 160. Д. 82. Л. 158. Просьба оказала должное влияние. Медицинский институт в Тюмени открыли в 1963 году. См.: ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 179. Д. 81. Л. 2; Сизов С. Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Часть II. «Оттепель» (март 1953–1964 гг.). – Омск, 2001. – С. 135.
25. ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 491. Л. 5.
26. Диканская Л. Д. Новосибирский государственный университет // Новосибирск. – Новосибирск: Кн. изд-во, 2003. – С. 612.